

Иеропленность

Иду по Москве в семинетке И особые, миллионнообразные впечатления мимолетно, как-то быстрое обаяние будоражит душу Удивительная точка на земле, откуда — все близко! И до прошлого, и до будущего, и до Америки, и до Китая, и до самого великого и до самого обаятельного, и до полвека труда народа, и до того, что еще неведомо сердцу, которое вот-вот «притряхнет» в космосе, что все равно, в Москве так кажется, что до всего этого — один шаг, а если и больше, то чуть-чуть.

Кто-то, приехав сегодня в Москву, спешит на спектакль, а может быть, это не такое собрание хвостиков — ивнииников семинетки — Менделеевский съезд, а может быть, более скромный, но тоже, вполне знающий себе цену пленум сельских кооператоров, или комсомолю, или спортсменам, или телепатологам Другой решительно направляет свои стопы в Госплан, только в Госплан, там, где вышлываются центробирки и вершатся отчаянные тузлы о оживающих полой театральными князьям Третий рассеивает выстраивающую дорогу в Ленинский район Черемушки, ой как там тесны перекрестки, и много их ему надо миновать за день, чтобы побывать на всех включенных в жесточайший план для выставок — от выставки искусств двенадцати стран в бывшем Манеже до выставки мебели в Новых Черемушках

Но какое бы дело ни привело вас в столицу, погрузились вы в ее потоки, вырваз чаша, чтобы почитать на ее Ленинских горах, вдоль надвигавшихся асфальта свечки и чистого воздуха по-прежнему строго народного, прекрасного своей демократичностью метро, успея пристыть раскисшим, торопышам людям их нежизнеспособности и сдвинувшись к книжному читательскому асфальту — в метро у киосков, а травлявая, в столовых — москвичей, воспомини и завесив все, куда вас завади в дни

Московские впечатления ивнииники

нашего пребывания в столице, — звали газетными извещениями, рецензиями, объявлениями, программами декад радиоприемников, выставками, лекциями и профилей выставкам, музеям, диспутам, концертам, лекциям, встречам, театрам, публичным обсуждениям — и даже на так уж много глотать этого, что на них гостям Москвы, не скажет, парализовались и разобрались в своих чувствах может быть боимся все Москва прекрасна, дорога, сильна тем, что означает нашему человеку, советскому человеку, чувству переломности жизни!

Глубоко восприняв семинетку, вы еще более полюбите Москву, полюбите и нее, полюбите и в ней-демократическому народу, могучему собиравшему народную мысль, возбуждающему неслыханное народное созерцание, все более чуткому к любому опыту творчества, даже если он разгорается за тысячами километров от Кремля

Это чудное право — любить Москву, любить такой добротой и любовью, которую и судить не может, ей правду о новых законах, явлениях, вкусах, о новой каждой разумного, справедливого, прекрасного, о новом нетерпении, о несообразном назде, где народ ускоряет свое движение к коммунизму.

И КАК же надо быть благодарным Московскому Художественному театру, что, шатая по Москве в семинетке, ты можешь сегодня с помощью чудесной силы искусства увидеть себя, свое душевное состояние, свой новый порыв и новую решимость, собранным и отраженным в таком гигантском и таком близком, родном образе — Ленина

О «Третьей патетической» — спектакле по пьесе Погодина по МХАТ, привлекший тридцатью оложде революцию, уже не раз лился! Но я добрым словом об этой спектакле хочется добавить ивни-

но то ощущение, которое так органически связано с тебе со всем восприятием сегодняшней Москвы, семинетки

Не просто «свет ленинской мысли», возникающей миллионно, чтобы сразу проникнуть в самую суть вещей, но только непреломленной, востра в борьбе, величие его как стража партии на труднейшем этапе революции — он на ленинскую переломность жизни — величайшее коммунистическое качество — доносит, этот мхатовский спектакль

А ведь в пьесе показаны годы, когда вот-вот может оборваться эта жизнь, когда Ильич не мог не догадываться, не сомневая, что он тяжело болен, что его силы на пределе

И приближение этой неотвратимой черты, уже назвавший предел, еще больше оттеняет кипение жизни в Ленинге, его вечное бряцание силы, все шедшее богатство его чувств, общения к людям, к будущему Но это наполняет вас не только сердечной трепетом за Ильича, токсической тяжестью от сознания неизбежной страшной боли, но и убежденностью в том, что жизнь будет торжествовать, что она впитает в себя ленинскую правду и вечно будет ее в себе нести

Спектакль Погодина за его неуступчивую, смелую, все восходящую дучу о Ленине, за то, что, рисуя простого Ильича, он ни в чем не упрощает этого необычного человека, признавая его, как он есть, серьезно, проникновенно, всамделишное все, что мы видим на сцене, — мы верим, во все, и в этот завод, пех, где Ленин беседует с Прошкой, который «не хочет управлять государством», и в запозную трансформацию бывшего солибия капиталиста Гвоздильнича, и в эту скученку в парке, в Горках, и удивительную беседу сидищих на лаву Ленина и Ирины, беседу, после которой хочется повторить за Ильичем: «Любить людей — задача адски-трудная, и в эту сторону я думаю Ленин «Милыя, какды цветы» — и если кто-то не принимает в этой спектакле, то, может быть, не полностью

наблюденное решение финала, где вдруг проскакивает и канав-то суетливости, и неужная парадность, поспешность в обиход Ильича, чуждая не только Ленину, но и всему духу спектакля Но на этой арии ползали на первую этого образа, встречи с которым на театральной сцене всегда очень боимся, так не хочется, чтобы хоть что-нибудь попортилось, неубитым, «материальным» было задело, ослеплено живущие в твоей душе чувства Ленина В известном ряду портретов артистов мхатовцев на сцене — в том числе и в роли Ильича — фотографировал в Смирнова, чья он уже выдержал большой отрезок в преддверии ленинского спектакля «Крещенские куранты», а в этот вечер — снования с другими ветеранами «новой» человек в заглавном нашем театре Но как для всех нас радостно раскрылось это паровое, его творческий потенциал на таком труднейшем для актёра испытании! Как смело он исцал, как много упор, помогая всем нам стать еще ближе к твоему великому и по-человечески-предельно реальным сцене его удивительной, исполненной величайшей радости борьбы и нечеловеческой трудовой жизни Несомненно, первый мигнул спектакля ты еще приоткрывавшись тревожно: «Пожелай», «Он я!», «Живет ли подлинная жизнь?», а потом забыл, что такое спектакль, что такое портреты ты возмущался, радуешься, ты закивал, переполнен Ильичем, борбой вместе с тем Ильичем, которого видишь перед собой, с которым ставишь вопросы эти несколько часов в Москве

Только потому, что может быть на следующий день ты себя услышишь «Трудно сказать, была Смирнов! Работал, жил в Ленинграде, много делал, но не все догадывались, какой это подлинный запас творческой энергии у человека, ни что он еще спит И не важно было вопреки да выход, простор новым крыльям таланта, половить в него с такой силой, с какой Ленин верил в людей!

И верю в нашего российского Прошку и таску раз в жизни, как сам верит в себя, — говорит Ленин в пьесе Погодина — Я верю в него до конца. Сейчас он на-

девен великим множеством грехов и пороков доставшихся ему за сотни лет рабства Но среди этих недостатков и пороков горит в нем негнательная талантливость, страсть, сила победителя, и то, что Прошка называет добротой, честностью, а ведь это не доброты, а принцип, а оно не за горами, когда Прошка осознает свое мировое значение, свои удивительные достоинства, когда он уже не может называть себя рабской клычкой Прошки и ему покажутся удивительными многие его привычки Тогда явится действительно новый, действительно мхатовский спектакль — «О нет, я не предаюсь мечте, взятая с неба. Я уже теперь, в невероятном хвое лонки общественных отношений, в бедности противоречий всему людскому страданию, да людей, которыми можно гордиться перед всем миром Вот почему я бесконечно верю в Прошку»

О СЛИ приехавший в Москву «провинциал», вышедший много из посещения «Патетической» в Художественном театре, в те же дни побывает на спектакле «Два цвета» А. Зава и И Кузнецова в театре-студии «Современник», он не сможет не порадоваться еще одному чуткому, вымолванному ответу на то, что он не чувствует! Разные пьесы, несравненно масштабы событий, непохожие герои И авторская одаренность, опыт, профессионализм мастера — не только в трюке хитов, танго, но и значительно более сложный спор с молодым юристом Родичем, внешне не менее мимичен, чем Шурин, не менее, а даже более значительный, «тонким веком», любительством путешественника, природы, смены ощущений, а по всему строю души — атоистом, зашумленным в тине обязательности, рассуждающим, что «во в жизни прохладит, представляющим государству самому биться с трудностями, не желавшим и не смеющим сказать, что Шурин «Государство — это мы!»

Хочется всем рассказать о тех действительно горючих, дружных аплодисментах, которые вознаграждают участников этого спектакля самого молодого театра в Москве Тит, конечно же, не только в удачно набранном финале — хотя именно финальные красные, севилья нахально обидно не

хватает многим другим, даже хором Московским спектаклям, и «Современник» итуд и Бродский колоссальным мхатовским концертом-театралом заде гостиницы «Советская» Этот «мрачок» еще больше стесняет спрощенность подчеркнутой сцене, бывающих на эффект декораций спектакля; бывает, что в зале собираются пестрая, разнородная аудитория — и горная маюдеда, и случайно зашедший сюда поди Но вот зловонный юношеский толст в финале представления тоска и четкое говорит, что спектакль этот его совсем не удовлетворяет, не оставляет памяти комсомольца Леонида Гавриленца, который героически боролся с жуликами и лал от их рук бил Логинская (деятельность) другой аплод, похлуживший здесь скиталом к широкому общественному наступлению на те остатки «великого множества грехов и пороков», о которых говорил Ленин), И зал, сгустившийся в борьбе, которая постепенно разворачивалась на сцене, вдруг окончательно сплывається в едином гражданском чувстве «разные» люди вместе встают, аплодируют, провозглашают «Современник»

Да в этих аплодисментах можно расшифровать различные впечатления, чувства актеров и режиссеров, но, конечно же, не только Шурин (И Кузнецов) пленен в спектакле своей «неаттракционной» А его трудный, неверный дубль Фомы, который какой-то воровский махинация Бела Бела, и как же ему не просто перелобить в себе и соблазн легкой жизни, и трубность, и тоску, и отчаяние, и в нем не упростили образ, не обмелчили себе, а по всему строю души — атоистом, зашумленным в тине обязательности, рассуждающим, что «во в жизни прохладит, представляющим государству самому биться с трудностями, не желавшим и не смеющим сказать, что Шурин «Государство — это мы!»

И другие актерские удали вознаграждены аплодисментами — вспоминается офицер милиции (артист В Заванский), неслучайный жулик, усталый, немощный человек, не давший чуткий, умный товарищ молодежи, глубокая натура Но это и

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

2 стр. 14 апреля 1959 г.